

**ЧУЖАЯ РЕЧЬ КАК ЖАНРОВАЯ ЧЕРТА КЛАССИЧЕСКОГО РУССКОГО РОМАНА:
И. С. ТУРГЕНЕВ «РУДИН», «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО», «НАКАНУНЕ»**

*Работа представлена кафедрой русского языка РГПУ им. А. И. Герцена.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор С. Г. Ильенко*

Статья посвящена важнейшей особенности романного жанра – сопряжению авторской и чужой речи, рассматриваемой в коммуникативном аспекте. В качестве ведущего подхода предлагается анализ так называемых диалогем, в которых и реализуется единство авторского и персонажного (чужого) голоса.

Ключевые слова: роман, чужая речь, коммуникативный аспект, диалог, диалогема.

М. Grudina

**SPEECH REPORTING STRATEGIES AS A GENRE FEATURE
OF RUSSIAN CLASSICAL NOVELS IN I. TURGENEV'S NOVELS "RUDIN", "A NEST
OF GENTLEFOLK", "ON THE EVE"**

The paper deals with the analysis of I. Turgenev's novels in the aspect of the cooperation among the author's speech and different speech reporting strategies. The analysis of so-called dialogemes (the actual unity of the author's and characters' voices) is taken as the leading approach.

Key words: novel, speech reporting strategies, communicative aspect, dialogue, dialogeme.

Дистанцированность автора романного жанра от своих персонажей предполагает особую роль категории чужой речи, в которой осуществляется текстовое сопряжение речи автора и персонажа. Методологические основы понимания категории чужой речи были заложены в работах М. М. Бахтина [2], сформулировавшего родовой признак текста эпического произведения как взаимодействие двух голосов – авторского и чужого.

Особенно интенсивно чужая речь в отечественной лингвистике изучалась в 60–70-х гг. прошлого столетия. Тогда был обоснован собственно грамматический подход к этому

явлению [6; 10]. Так, например, в работе Г. М. Чумакова [13] предпринята попытка целостного описания феномена чужой речи, выделены пять ее разновидностей (прямая речь, косвенная речь, тематическая речь, несобственно-прямая речь, свободная прямая речь).

Современный этап исследования чужой речи характеризуется изменением ориентации с грамматического подхода на сугубо коммуникативный [1; 3; 4; 8]. Это определяет особое внимание к коммуникативной ситуации и коммуникативному событию, а также к теории речевых актов. Исследование художественного текста предполагает при таком

подходе рассмотрение чужой речи в системе, во взаимодействии персонажей, а также с учетом текстообразующих потенций различных конструкций.

Реалистический роман как жанр подразумевает панорамное изображение, создание особого целостного мира, который должен восприниматься читателем как достоверный. В устной сфере многоголосие мира, взаимодействие людей друг с другом в коммуникации осуществляется в диалоге. В тексте повседневное речевое существование представлено художественно-репрезентируемым диалогом. В отдельных случаях диалог может быть непосредственно скопирован с устной речи:

– *Вы, конечно, в Лавриках жить будете?*

– *Нет, не в Лавриках; а есть у меня, верстах в двадцати пяти отсюда, деревушка; так я туда еду.*

– *Это деревушка, что вам от Глафиры Петровны досталась?*

– *Та самая.*

– *Помилуйте, Федор Иванович! У вас в Лавриках такой чудесный дом!* («Дворянское гнездо»).

Анализ текстов исследуемых романов показал, что соотношение авторской и персонажной речи в них примерное одинаковое. Персонажная речь реализуется главным образом в диалогах, одиночные реплики встречаются крайне редко. Значительная доля конструкций с прямой речью, которые отчетливо членятся на собственно персонажную и собственно авторскую речь, делает необходимым использование понятия диалогемы, определяемой как относительно законченный художественно-репрезентируемый диалог, сопровождаемый авторской речью. Диалогема входит в более широкое понятие «диалоговое поведение», связанное не только с репрезентацией самого диалога, но и с учетом ситуации в самом широком смысле этого слова.

Диалогемы выделяются по следующим основаниям: 1) с установкой на содержательно-смысловую аспекты диалогов; 2) с установкой на способ введения диалога и его сопро-

вождение; 3) с установкой на сопряжение авторского и персонажного голоса. Сопряжение авторского и персонажного голоса является основным фактором.

По характеру содержания реакции выделяются диалог-объяснение, диалог-унисон, диалог-спор, диалог-ссора [12], диалог-диссонанс [7]. Полярными можно считать диалог-унисон (1) и диалог-диссонанс (2), например:

(1) – *Не правда ли, Вольдемар, как мило играет моя Лизет? – говорила в то же время Марья Дмитриевна Панишину.*

– *Да, – отвечал Панишин, – очень мило* («Дворянское гнездо»).

(2) *Пигасов потряс кулаком в воздухе. Пандалевский рассмеялся.*

– *Прекрасно! – промолвил Рудин, – стало быть, по-вашему, убеждений нет?*

– *Нет – и не существует.*

– *Это ваше убеждение?*

– *Да.*

– *Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно на первый случай* («Рудин»).

Авторское сопровождение в диалогах может служить одним из критериев определения границ диалогом, хотя сами эти границы в условиях целого художественного текста остаются весьма условными.

Одним из показателей границы диалогемы является непосредственный авторский комментарий, указывающий на завершение диалога:

– *А вот женщины, на которых вы так нападаете, – те по крайней мере не употребляют громких слов.*

Пигасов пожал плечом.

– *Не употребляют, потому что не умеют.*

Дарья Михайловна слегка покраснела.

– *Вы начинаете дерзости говорить, Африкан Семеныч! – заметила она с принужденной улыбкой.*

Все затихло в комнате («Рудин»).

Самым существенным в исследовании диалога в романе является выявление сопряжений авторской и персонажной речи. Обнаруживается два противоположных вида сопряжений.

Первый связан с реализацией категории конфликта в романе. Конфликт при этом понимается как столкновение различных жизненных позиций, «конфликт личности с обстоятельствами, ее самооценка и самоутверждение» [9, с. 79]. Конечной целью диалога является не поиск истины, а сознательное утаивание мыслей, отсутствие искренности, по сути, стремление собеседников обмануть друг друга:

Рудин знал, что Дарья Михайловна на него сердится. Дарья Михайловна подозревала, что ему уже все известно.

– Я пришел к вам, Дарья Михайловна, – начал Рудин, – поблагодарить вас за ваше гостеприимство. Я получил сегодня известие из моей деревеньки и должен непременно сегодня же ехать туда.

Дарья Михайловна пристально посмотрела на Рудина.

«Он предупредил меня, должно быть догадывается, – подумала она. – Он избавляет меня от тягостного объяснения, тем лучше. Да здравствуют умные люди!»

– Неужели? – промолвила она громко. – Ах, как это неприятно! Ну, что делать! Надеюсь увидеть вас нынешней зимой в Москве. Мы сами скоро отсюда едем.

Весь разговор между ним и Дарьей Михайловной носил особый отпечаток. Актеры так репетируют свои роли, дипломаты так на конференциях меняются заранее условленными фразами... («Рудин»).

Второй вид сопряжения представляет собой попытку собеседников прийти к общей точке зрения: его можно обозначить как поиск истины. Отсюда полная искренность и доверие собеседников друг к другу. Именно такой является диалогема, включающая диалог Марфы Тимофеевны и Лизы в «Дворянском гнезде». Недовольная отношениями Лизы и Лаврецкого, Марфа Тимофеевна стремится образумить свою внучатую племянницу. Одной из важнейших тем диалога является предложение Паншина Лизе выйти за него замуж.

Да ты любишь его, что ли?

– Люблю, – отвечала тихим голосом Лиза.

– Матушки мои! она его любит! – Марфа Тимофеевна сдернула с себя чепец.

– Женатого человека любит! а? любит!

– Он мне сказывал... – начала Лиза.

– Что он тебе сказывал, соколик эдакой, что-о?

– Он мне сказывал, что жена его скончалась.

Марфа Тимофеевна перекрестилась.

– Царство ей небесное, – прошептала она, – пустая была бабенка – не тем будь помянута. Вот как: вдовый он, стало быть. Да он, я вижу, на все руки. Одну жену уморил, да и за другую. Каков тихоня? Только вот что скажу тебе, племянница: в наши времена, как я молода была, девкам за такие проделки больно доставалось. Ты не сердись на меня, мать моя; за правду одни дураки сердятся. Я и отказать ему велела сегодня. Я его люблю, но этого я ему никогда не прощу. Вишь, вдовый! Дай-ка мне воды. А что ты Панишина с носом отослала, за это ты у меня молодец; только не сиди ты по ночам с этой козьей породой, с мужчинами; не сокрушай ты меня, старуху! («Дворянское гнездо»).

В результате обсуждения собеседницы сходятся в оценке решения Лизы не выходить замуж за Паншина, хотя и остаются каждая при своем мнении относительно Лаврецкого.

Мастерство автора романа определяется в том числе и тем, чтобы, не навязывая свою точку зрения, сформировать у читателя определенное отношение к персонажам и правильное понимание их. Автор свободен в выборе конструкций и форм, представляя речевое поведение персонажей. Так, сдержанное диалоговое поведение Лизы в «Дворянском гнезде», ее немногословие становится формально-содержательной характеристикой героини:

Лаврецкий заговорил о своем житье-бытье в Васильевском, о Михалевиче, об Антоне; он чувствовал потребность говорить с Лизой, сообщить ей все, что приходило ему в душу: она так мило, так внимательно его слушала; ее редкие замечания и возражения

казались ему так просты и умны. Он даже сказал ей это.

Лиза удивилась.

– *Право?* – промолвила она, – *а я так думала, что у меня, как у моей горничной Насте, своих слов нет* («Дворянское гнездо»).

Отметим, что последняя реплика, значимая для характеристики персонажа, обгрызается и в последующих главах романа.

Встреться он [Лаврецкий] с ней при других обстоятельствах, – бог знает, что могло бы из этого выйти; что он понимает Лемма, хотя у ней «своих» слов нет. Да и

это неправда: у ней есть свои слова... («Дворянское гнездо»).

Таким образом, романский жанр представляет собой тесную взаимосвязь различных форм речи, осуществляемую прежде всего в диалогеме. Авторская речь во взаимоотношении с формами чужой речи представляет собой не оторванные друг от друга конструкции, а целостность. Совокупность речевых сфер передает диалоговое поведение персонажей, реализуя основную задачу романа – изображение многоголосного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–79.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит., 1972. 470 с.
3. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 408 с.
4. *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 176 с.
5. *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
6. *Кодухов В. И.* Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л.: Учпедгиз (Ленингр. отделение), 1957. 85, [2] с.
7. *Колокольцева Т. Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. 260 с.
8. *Максимова Н. В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: Изд. центр РГГУ, 2005, 315, [1] с.
9. *Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 152 с.
10. *Милых М. К.* Прямая речь в художественной прозе. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1958. 239 с.
11. *Соколов А. Н.* Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968. 248 с.
12. *Соловьева А. К.* О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания, 1965. № 6. С. 103–110.
13. *Чумаков Г. М.* Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев: Вища школа, 1975. 220 с.

REFERENCES

1. *Arutyunova N. D.* Dialogicheskaya modal'nost' i yavleniye tsitatsii // Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deysis. M.: Nauka, 1992. S. 52–79.
2. *Bakhtin M. M.* Problemy poetiki Dostoyevskogo. M.: Khud. lit., 1972. 470 s.
3. *Borisova I. N.* Russkiy razgovorny dialog: struktura i dinamika. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2001. 408 s.
4. *Vinokur T. G.* Govoryashchiy i slushayushchiy: Varianty rechevogo povedeniya. 3-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2007. 176 s.
5. *Voloshinov V. N.* Marksizm i filosofiya yazyka. L.: Priboy, 1929. 188 s.
6. *Kodukhov V. I.* Pryamaya i kosvennaya rech' v sovremennom russkom yazyke. L.: Uchpedgiz (Leningr. otd-niye), 1957. 85, [2] s.
7. *Kolokol'tseva T. N.* Spetsificheskiye kommunikativnyye edinitsey dialogicheskoy rechi. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 2001. 260 s.

8. *Maksimova N. V.* «Chuzhaya rech'» kak kommunikativnaya strategiya. M.: Izd. tsentr RGGU, 2005, 315, [1] s.
9. *Markovich V. M.* Chelovek v romanakh I. S. Turgeneva. L.: Izd-vo LGU, 1975. 152 s.
10. *Milykh M. K.* Pryamaya rech' v khudozhestvennoy proze. Rostov-na-Donu: Rostovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1958. 239 s.
11. *Sokolov A. N.* Vnutrennyaya rech' i myshleniye. M.: Prosveshcheniye, 1968. 248 s.
12. *Solov'yova A. K.* O nekotorykh obshchikh voprosakh dialoga // *Voprosy yazykoznananiya*, 1965. N 6. S. 103–110.
13. *Chumakov G. M.* Sintaksis konstruktsiy s chuzhoy rech'yu. Kiyev: Vishcha shkola, 1975. 220 s.